

УДК 93

С.А. БЕРЕЗЕНЦЕВ

(berezencevsergej4@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РЕЛИГИОЗНЫЕ РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII–XX ВВ.*

Данная статья затрагивает одну из проблем отечественной исторической науки: реформы первого русского императора Петра Алексеевича Великого в сфере религии. Целью исследовательской работы в рамках данной статьи является выяснение того, как менялось в контексте российской и советской историографии XVIII–XX веков отношение и подходы историков различных школ к данному вопросу.

Ключевые слова: *Пётр Великий, реформы, отечественная историография, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, Н.И. Кедров, С.Ф. Платонов, А.С. Буевский, Духовный Регламент, Русская Православная церковь.*

Русский император Пётр I Алексеевич в современной отечественной историографии остаётся очень неоднозначной фигурой. Относительно личности первого императора России и методов его преобразований мнения различных ученых расходятся.

Некоторые историки идеализируют его исторический образ. Другие считают его скорее разрушителем старой России с её многовековыми традициями, устоявшимся и неповторимым укладом, обвиняя его в том, что он сбил Россию с её собственного пути, начал «онемечивание» государства путем приглашения в свою страну иностранцев, созданием коллегий и усилением бюрократии. Третьи же пытаются оценить значение петровских преобразований и результаты его деятельности.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть оценку реформ Петра Великого в религиозной сфере отечественными историками XVIII, XIX и XX вв. Для анализа мнений мы выбрали несколько, на наш взгляд, значимых исследователей, взгляды которых заложили основы или развивают основные тенденции характеристики Петровских преобразований.

Одним из первых отечественных историков, которые рассматривали деятельность императора Петра Великого, является так называемый «дворянский историк» действительный тайный советник Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790). В 1787 г. Михаил Михайлович создаёт сочинение «О повреждении нравов в России».

Нужно понимать, что в данном историческом произведении автор критически рассуждает о деятельности российских государей и Пётр в его понимании вовсе не является безгрешным государем, которого не в чем упрекнуть. В отношении реформ религиозного характера он, с одной стороны, поддерживает деятельность первого русского императора, но, с другой, его действия, по мнению историка, должны были быть несколько иными.

М.М. Щербатов приводит довольно интересный факт о том, что Пётр I добился того, что по решению Синода служащие флота, находясь в море получили благословение нарушать пищевые ограничения в постный период, более того, тех, кто заболел из-за самовольного ограничения себя в пище, Пётр разрешил «в воду кидать». С данным положением Михаил Михайлович соглашается, аргументируя: «закон божий есть к сохранению рода человеческого, а не ко истреблению его без нужды».

Так же историк сообщает нам о том, что вплоть до принятия духовного регламента 1721 г. много раз имели место быть священники, которые пользовались, по его словам, доверием прихожан и наживались на этом, привлекая «суеверное богомолие».

Таким образом, Михаил Щербатов пытается донести, что в России необходимо было покончить с некоторыми религиозными положениями, являвшимися, по мысли М.М. Щербатова, суевериями. По-

* Работа выполнена под руководством Ленивиной Н.О., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

беду императора над суевериями он поддерживает, однако, с некоторой оговоркой: «Но, когда он сие учинил, тогда, когда народ еще был непросвещен, и тако, отнимая суеверии у непросвещенного народа, он самую веру к божественному закону отнимал. Сие действие Петра Великого можно применить к действию неискусного садовника...» [5].

Известнейший историк России Николай Михайлович Карамзин в своём меморандуме 1811 г. «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» не мог обойти стороной петровские преобразования. Н.М. Карамзин очень критичен к мероприятиям первого императора, церковные реформы не исключение.

Н.М. Карамзин обращает внимание на то, что Пётр I объявил себя главою церкви, уничтожив патриаршество, потому что оно было опасно для устанавливающегося абсолютизма. Николай Михайлович настаивает, что духовенство никогда не противоборствовало мирской власти, а даже наоборот – служило ей полезным оружием в делах государственных. Однако, Пётр I посчитал церковного главу в лице патриарха конкурентом.

По мнению Николая Карамзина, духовная власть должна иметь особенный круг действия, она должна быть вне гражданской власти, но одновременно с этим действовать с нею в союзе. Если глава государства является главным и в «миру», и там, где должна самостоятельно решать религиозные вопросы церковная элита, то церковь в итоге подчиняется мирской власти и теряет свой священный характер.

Н.М. Карамзин считает, что Пётр повел себя совершенно не как грамотный, дальновидный монарх. Умный бы монарх, по словам Николая Михайловича, в делах важных для страны и народа всегда найдет способ найти компромиссы и с независимой от него церковью, в том числе найдёт общий язык с её главою в лице патриарха. Вместо этого царь потребовал «всеподданнической покорности».

Николай Михайлович утверждает: «Явная, совершенная зависимость духовной власти от гражданской предполагает мнение, что первая бесполезна» [2].

Исследователь второй половины XIX в. Николай Иванович Кёдров, историк церкви, затрагивая в частности тему положения черного духовенства по «Духовному Регламенту», писал о том, что, по мнению царя Петра, монашество и монастыри – непроизводительные потребители, значит неудивительно, что царь-реформатор решает сократить их численность, либо сделать их полезными с практической точки зрения.

Николай Иванович во многом солидарен с Петровскими реформами церкви, он приводит в качестве аргументации необходимость изменений в отношении чёрного духовенства. Учёный настаивает, что при анализе монашества XVII в., следует обратить внимание на чрезвычайно широкое развитие в тогдашнем обществе стремления к иноческой жизни. Это стало настолько повсеместным явлением, что при патриархе Никоне уже насчитывалось около 3000 монастырей. Историк приводит и другой факт, свидетельствующий, по его мнению, о неправильности монастырской жизни, при том же Никоне в Великодержавии было около 500 монастырей, у которых, по замечанию историка, были богатейшие вотчины.

Николай Кедров подчеркивает, что монастырская жизнь в XVII в. ослабела и распустилась во всех отношениях. Монастыри находились в «состоянии нравственного разложения». Чтобы не быть голословным, автор вспоминает, что в 1630 г. царь Михаил Федорович жаловался на монахов Соловецкой обители, обвинив их в пьянстве.

Не стоит, по мнению Кедрова, забывать, что в указываемое время многих привлекали монастырские стены не потому, что в них можно было найти тихое пристанище и посвятить себя вере и богу, а потому что они представляли надежную защиту от политических и административных преследований.

К положительным условиям так же относит автор прежде всего трехлетний «искус». Поступающих в монашество отдают на испытание под надзор честному старцу.

Приветствует историк и указ Петра детей без родительского согласия не принимать и еще не принимать в монастыри супругов, оставивших после себя малолетних детей [3].

Учёный конца XIX столетия через данные примеры желает донести, что церковные реформы, хотя бы в отношении монашескую часть духовенства, были необходимы, а некоторые из них, даже носили гуманистический характер.

Изучая отношение к религиозным реформам, предпринятым Петром Алексеевичем, в контексте историографии XX в., хотелось бы обратиться к автору, начавшему трудиться еще в дореволюционный период, члену Российской академии наук 1920–1931 гг., Сергею Фёдоровичу Платонову (1860–1933 гг.).

Сергей Фёдорович Платонов в 1917 г. закончил свой труд, объединяющий его лекции по отечественной истории. Естественно, в данной исторической работе не мог он не упомянуть об императоре Петре Великом и его реформах.

В частности, немалое внимание он уделил нововведениям религиозного характера. Сергей Фёдорович, что примечательно, говорит и о том, что церковь сама виновата в том, что в итоге фактически потеряла свою самостоятельность. С.Ф. Платонов рассказывает о последнем патриархе Адриане, который занял очень неопределённую позицию в отношении будущего императора и его деятельности.

По замечанию данного историка, когда многие протестующие против предприятий Петра I стали искать нравственную опору в авторитете церковников, то патриарх Адриан проявлял малодушие, при этом он вовсе не симпатизировал реформам царя, а просто молчал и бездействовал. Так же Сергей Фёдорович не упускает из виду и того, что глава церкви не предпринимал никаких мер и в отношении оппозиции царя, что в конечном итоге привело к тому, что в церковных кругах и вокруг церкви стали возникать неудобные, а, возможно, и опасные для власти и внутренней политики Петра Великого протестующие элементы.

Таким образом, в том числе как раз бездействие патриарха стало одной из главных причин того, что царь увидел в священниках центр и объединяющее начало всех протестов консервативного и иного характера. Именно опасаясь в дальнейшем усиления подобных настроений в церкви и вокруг неё, Пётр I принимает решение постепенно упразднить институт патриаршества и ограничить власть религиозных деятелей.

Сергей Платонов, однако, отмечает, что у царя не было всё же цели сразу же после смерти патриарха Адриана упразднить патриаршество как явление. Пётр и его сподвижники в религиозной сфере шли к этому последовательно. Нужно понимать, что когда встал вопрос об избрании нового главы российской Православной церкви, то будущий император решил избрать главу церкви не из великороссов, а именно из малороссов, т. к. среди духовенства на территории Малороссии он встретил бы поддержку в своих реформах касательно образования, науки, взаимоотношений с другими странами и народами. Малоросскому духовенству, которое было подвержено влиянию западной культуры и науки, еще до рождения самого Петра Алексеевича. Именно поэтому ведущие позиции в православной церкви начинают занимать такие небезызвестные личности, как Феофан Прокопович, Симеон (Стефан) Яворский, Гавриил Бужинский.

Далее Сергей Фёдорович рассуждает уже о так называемых им частных мероприятиях в отношении церкви и вообще религии. Ограничения власти православной церкви при Петре коснулись и юридической составляющей. Уже через год после смерти патриарха Адриана (ум. 1700 г.), в 1701 Пётр отнимает у церкви право самостоятельного суда, суд о преступлениях против веры и церкви не мог теперь совершаться без участия светской власти, а для судебных процессов над самими церковниками был восстановлен Монастырский приказ, закрытый ещё в 1677 г. Так, согласно С.Ф. Платонову, Православная церковь стала с юридической точки зрения, полностью зависима от государства, т. е. от власти мирской.

С.Ф. Платонов не упускает из виду так же и того, что несмотря на в некотором плане репрессивные меры в отношении Православной церкви, отношение к другим религиозным течениям ста-

ло заметно мягче. По примечанию Сергея Фёдоровича, сам царь Пётр Алексеевич больше благоволил протестантам, но это скорее политическое явление, т. к. царь, зная о постоянных притеснениях православных в Польше, стал отвечать угрозами устроить гонение на католиков, однако, на деле в правах католики были всё же на равне с протестантами.

При Петре Алексеевиче происходило по своей сути то, что ранее считалось невозможным, в историк приводит в пример постановление Синода, возникшее практически сразу после его создания в 1721 г. Это постановление о допущении браков православных с протестантами и католиками [4].

Среди историков церкви второй половины и конца XX в. следует выделить историка Алексея Сергеевича Бувеского, ответственного сотрудника отдела внешних церковных связей (ОВЦС) Московского патриархата, доктора богословия.

В 1985 г. Алексей Сергеевич в Журнале Московской Патриархии опубликовал научную статью: «Церковная реформа Петра Первого (историко-канонический аспект)» [1], в которой достаточно подробно осветил проблематику данной темы.

А.С. Бувеский в данной статье пытается установить точные причины и мотивы религиозных нововведений при царе Петре Алексеевиче. Историк церкви сразу отмечает важный момент: Петр Великий не считал для себя возможным входить в рассмотрение вопросов веры.

Так, в 1717 г. во время пребывания в Париже, католические богословы беседовали с русским правителем и всерьёз высказали мнение, что соединение Православной и Римско-Католической Церквей не представляет серьезных затруднений. В своем ответе им Петр указал, что размышлять и принимать подобные решения не его право, как человека государственного, и поэтому решать подобные вопросы царь предложил через епископов Русской Православной церкви, он сказал богословам Сорбонского университета связаться с ними по этому вопросу. Как мы видим, идея объединения церкви на этом остановилась.

А.С. Бувеский очень последовательно, на наш взгляд, объясняет почему Пётр решил сделать церковь подконтрольной, если сугубо религиозная составляющая его мало интересовала на тот момент. По словам названного историка, Пётр во время своего Великого посольства 1697–1698 гг. ознакомился с трудами Самуэля Пуфендорфа, яркого представителя естественного права, особенно Петра Алексеевича заинтересовала работа: «О должности человека и гражданина». С. Пуфендорф стремился обосновать подчинение Церкви государственной власти, государству, по его мысли, на его территории должны подчиняться все и церковь не исключение из правил, но С. Пуфендорф требовал при этом от самого государства религиозной терпимости. Дополнительно оказало влияние на Петра во время его четырехмесячного пребывания в Англии положение церкви в этом государстве. Ведь в Англии получил особое развитие принцип так называемого «цезарепапизма». Там же русский царь узнал, что Король Генрих VIII в 1534 г. провозгласил себя верховным главой Английской Церкви, а в 1535 г. парламент законодательно утвердил данное королевское притязание.

Когда Пётр Великий решил ограничить власть патриарха, а после упразднить данную должность, он по словам Алексея Сергеевича, руководствовался подобными принципами и мотивами. Издавна русский народ видел в Патриархе как бы второго государя, и даже в некотором плане нечто большее. Так, он опасался соперника в отношении власти над народом и, опять же, появления противника реформ других сфер жизни общества.

Соотнося данные положения, А.С. Бувеский сделал вывод, что Пётр I не ставил изначально целью вмешиваться в вероучительскую и богослужебную жизнь Церкви. Царь стремился к созданию таких условий, при которых его государственная деятельность не только не встречала бы оппозиции со стороны церковных руководителей, но, наоборот, получала бы активную поддержку.

Однако, по утверждению, самого же Алексея Бувеского, правитель России всё же вмешался и в вероучительскую функцию. Подобное проявилось по большей части после утверждения Синода в 1721 г., а апогей данной политики пришелся на время после 1722 г. Указом лично Петра I от 28 апре-

ля этого года была принята за обязанность присяга членов Синода при вступлении их в должность, которая предписывала епископам и клириками воспитывать паству в монархическом духе, оправдывая многие неблагоприятные деяния теперь уже императорской власти. Достоверно, по словам историка, что согласие архиереев Русской Церкви на введение в жизнь Духовного Регламента было получено вынужденно.

Автор статьи утверждает, что подчинение церкви государству имело далеко идущие последствия и в будущем. Будучи теперь частью государственного аппарата в империи, какой являлась Россия до Великой Октябрьской революции, Русская Православная церковь максимально использовалась царской властью в интересах господствовавших в стране классов, что стало по сути одной из главных причин в войне против религии.

Отмечая некоторые положительные последствия реформ, А.С. Бувеский указывает, что Русская Православная церковь после предпринятых реформ вошла в творческий диалог со многими инославными церквями, и сыграла не последнюю роль в получившем уже в середине прошлого столетия общехристианское воплощение Всемирном Совете Церквей [1].

Анализ мнений российских историков XVIII, XIX и XX веков о религиозных реформах Петра Великого позволяет сделать вывод о том, что реформы оценивались и оцениваются двояко.

В данных реформах были благородные цели, что отмечено в работе историка Н. Кедрова. Однако наряду с этим были и колоссальные нарушения церковных норм и традиций. Потеряв свою независимость, церковь перестала выделяться как духовный лидер, наделённый собственными принципами и правилами.

В большинстве своём мнения историков, рассмотренные в данной статье, сходятся в том, что религиозные реформы Петра Великого – это, по своей сути, захват власти в духовной сфере. Это захват, который был тщательно подготовлен, в котором участвовали небезызвестные исторические лица. Подчинение церкви и контроль за её деятельностью, закреплённый официально, существенно укрепляли власть императора над народом.

И всё же нельзя говорить, что у реформ в религиозной сфере не было положительных моментов, с петровскими преобразованиями в данной области появляются принципы веротерпимости, религиозные деятели покровительствуют наукам с новой силой, исчезают постепенно суеверия, Русская Православная церковь начинает налаживать контакты с другими церквями.

На наш взгляд, реформы религиозного характера были проведены Петром Алексеевичем в большинстве своём с благою целью, но местами слишком грубо и неоправданно поспешно, без должной заботы о чувствах людей. Возможно, правильно сказал Михаил Михайлович Щербатов: «Сие действие Петра Великого можно применить к действию неискусного садовника...» [5].

Литература

1. Бувеский А.С. Церковная реформа Петра Первого (историко-канонический аспект) / Журнал Московской Патриархии. 1985 // Централизованная религиозная организация Российский объединённый Союз христиан веры евангельской (пятидесятников). [Электронный доступ]. URL: <https://www.cef.ru/infoblock/publications/newsitem/article/1354007> (дата обращения: 17.01.2023).
2. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. [Электронный доступ]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Karamzin/zapiska-o-drevnej-i-novoj-rossii-v-ee-politicheskom-i-grazhdanskom-otnoshenijah/ (дата обращения: 11.01.2023).
3. Кедров Н.И. Духовный Регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого / Глава V. Заботы Петра Великого относительно образования монашеского духовенства. [Электронный доступ]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Kedrov/duhovnyj-reglament-v-svjazi-s-preobrazovatelnoju-dejatelnostyu-petra-velikogo/5 (дата обращения: 14.01.2023).
4. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Часть 3. [Электронный доступ]. URL: http://az.lib.ru/p/platonow_s_f/text_0030.shtml (дата обращения: 12.01.2023).
5. Щербатов М. М.О повреждении нравов в России. [Электронный доступ]. URL: http://az.lib.ru/s/sherbatow_m_m/text_1787_o_povrezhdenii_nravov.shtml (дата обращения: 11.01.2023).

SERGEY BEREZENTSEV
Volgograd State Socio-Pedagogical University

**RELIGIOUS REFORMS OF PETER THE GREAT IN THE NATIVE
HISTORIOGRAPHY OF THE XVIII–XX CENTURIES**

The article deals with one of the issues of the native historical studies: the reforms of the first Russian imperator – Peter Alekseevich (Peter the Great), in the sphere of religion. The aim of the research work in the context of the article is to discover how the attitudes and approaches of the historians of the different schools towards the issue were changing in the context of the Russian and Soviet historiography of the XVIII–XX centuries.

Key words: *Peter the Great, reforms, native historiography, M.M. Sherbatov, N.M. Karamzin, N.I. Kedrov, S.F. Platonov, A.S. Buevskiy, Ecclesiastical Regulation, the Russian Orthodox Church.*